

5 сентября 2017 года

Уважаемый мистер Рэксем!

У вас есть дети? Или любимые племянники?

Если так, позвольте мне апеллировать к вашим

Уважаемый мистер Рэксем!

Пожалуйста, помогите. Я никого не убивала

*7 сентября 2017 года
Тюрьма Чарнворт*

Уважаемый мистер Рэксем!

Вы не представляете, сколько раз я начинала писать это письмо, пока наконец не поняла: волшебной формулы не существует. Я не могу заставить вас выслушать мою историю. Поэтому постараюсь изложить все на бумаге, сколько бы ни понадобилось времени, хотя это невероятно сложно, и я могу все испортить. Я просто расскажу вам правду.

Меня зовут... Я останавливаюсь, и мне вновь хочется разорвать письмо на мелкие клочки.

Стоит вам узнать мое имя, и вы поймете, чего я от вас хочу. О моем деле писали газеты, моим именем пестрели заголовки, мое искаженное отчаянием лицо смотрело на вас с первых полос. Они уже обвинили меня и вынесли приговор, почти равносильный приговору суда. Боюсь, что, если назову свое имя, вы не захотите со мной связываться и выбросите это письмо. Я вас не виню, но умоляю, выслушайте.

Я молода, мне двадцать семь лет, и, как вы уже поняли по обратному адресу, я нахожусь сейчас в женской тюрьме Чарнворт, в Шотландии. Я никогда не получала писем из тюрьмы и не

знаю, отличаются ли они от обычных, но, 13
думаю, мое местонахождение станет вам
известно еще до того, как вы вскрыете конверт.

Однако вы можете не знать другого: я ожидаю суда. И уж точно не знаете, что я невиновна. Да, да, все так говорят. Все, кого я здесь встречала, невиновны, кого ни послушай. Только в моем случае это правда.

Вы наверняка догадались, что мне от вас нужно. Я пишу, чтобы попросить вас выступить моим солиситором в суде. Я понимаю, что так не делается и подзащитные не должны обращаться напрямую к адвокатам. Извините, ранее я нечаянно назвала вас барристером. Я плохо разбираюсь в законах, тем более в шотландских. Все свои знания я почерпнула от соседок по камере, в том числе и ваше имя.

У меня уже есть солиситор — мистер Гейтс. Насколько я понимаю, адвоката, который будет защищать меня на суде, должен найти он. Но я оказалась здесь именно из-за мистера Гейтса. Я его не выбирала. Его нашли полицейские, когда я испугалась и заявила, что не буду отвечать на вопросы, пока мне не предоставят адвоката.

Я думала, что он все уладит и поможет мне. Но когда мистер Гейтс приехал... Он сделал только хуже. Он не давал мне говорить, прерывал все мои объяснения дурацкой фразой: «У моей клиентки нет комментариев». От этого складывалось впечатление, что я виновна. Если бы мне позволили объяснить, это не зашло бы так далеко. Они все переворачивали с ног на голову, и мои слова звучали так, словно я действительно виновата.

14 Не то чтобы мистер Гейтс не слышал мою версию событий. Конечно, я ему рассказывала, но каким-то образом... О боже, как трудно изложить в письме... Он вроде бы сидит, говорит, слушает... да только не слышит. А если и слышит, то не верит. Когда я пытаюсь рассказать все с самого начала, он перебивает меня вопросами, запутывает, я сбиваюсь, и мне хочется кричать, чтобы он заткнулся к чертовой матери.

И он постоянно напоминает о том, что я сказала на допросе в ту ужасную первую ночь в полицейском участке. Меня мучили и мучили, и я сказала... господи, я и сама уже не помню. Простите, я плачу. Извините за пятна на бумаге.

Что я сказала, что же я тогда сказала... Да, ничего уже не изменить. Мои слова записаны. И это плохо, очень плохо. Думаю, если бы можно было передать мое дело человеку, который действительно меня выслушает... Вы понимаете, что я имею в виду?

Господи, наверное, нет. Вы ведь никогда не были на моем месте. Не сидели за столом, чуть не падая от усталости, вас не тошнило от страха. А они все спрашивают, допытываются, и в конце концов ты сама не знаешь, что говоришь.

В общем, я няня семьи Элинкорт, мистер Рэксем.

И я *не* убивала этого ребенка.

Я начала писать вам прошлым вечером, мистер Рэксем, а утром, когда проснулась и уви-

дела помятые страницы, исписанные дрожащими каракулями, хотела порвать их и начать сначала, как делала уже раз десять. Я должна была написать все по порядку, хладнокровно и четко, чтобы вы поняли. А вместо этого облила письмо слезами и запуталась в упреках.

Затем я перечитала написанное и подумала, что не смогу начать заново. Надо продолжать. Все это время я говорила себе, что если бы кто-нибудь помог мне собраться с мыслями и выслушал мой рассказ, не перебивая, то я сумела бы объяснить.

Это мой последний шанс.

В Шотландии человека могут держать в тюрьме до суда сто сорок дней. Правда, одна женщина ждет уже почти десять месяцев. Знаете, как это долго? Десять месяцев! Нет, вы не знаете, мистер Рэксем! Позвольте мне объяснить. В ее случае ожидание длится двести девяносто семь дней. Она пропустила Рождество со своими детьми. Все их дни рождения. День матери, и Пасху, и начало школьных занятий.

Двести девяносто семь дней. А дату суда продолжают откладывать. По словам мистера Гейтса, меня не будут держать так долго, поскольку дело получило широкую огласку.

Так или иначе, сто, сто сорок, двести девяносто семь — это очень много, мистер Рэксем. Есть время подумать, вспомнить, попытаться понять, что произошло. Ведь я многого до сих пор не понимаю, только одно знаю наверняка: я не убивала эту девочку. Не убивала! Как бы ни стара-